

Алевтина
Бондаренко

ОТЛОЖЕННОЕ
ДЕТСТВО

6+

Алевтина Бондаренко
Отложенное детство

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бондаренко А. П.

Отложенное детство / А. П. Бондаренко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это не мемуары, хотя в основу повести легли личные воспоминания. Но это живой рассказ о том, что сохранила память девочки, которой в 1941 году исполнилось шесть лет. О том, как мир её детства – жёлтые качели, сад, куклы, – меняется на бомбёжки, чужие дома и военные дороги. Девочка Аля находит друзей, учится толочь просо, поёт на концерте для раненых, ищет сочную траву для козы, которая даёт очень мало молока... По ходу дела читатель узнает и о том, как ловили вражеских парашютистов, зачем немцы сбрасывали вместе с ними яркие детские игрушки, как фашистские истребители забавы ради обстреливали ночью в поле одинокие сани... Здесь каждый читатель найдёт для себя что-то близкое, ощутит те грани, из которых и складывается облик военного времени, и по-новому поймёт, почему это никогда не должно повториться. Читайте её всей семьёй!

© Бондаренко А. П., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

День рождения

72 дня до войны

11 апреля 1941 г.

От погоды – то солнечной, то пасмурной, то дождливой, то ветреной, – менялось настроение окружающего меня мира. Но была еще одна погода – грустная. Это когда неизвестно почему не хотелось играть, а порой и занять себя было нечем. Тогда я бежала в сарай к поросенку Харитоше. Уж он-то знал, как меня развлечь. Радостно хрюкая, он сначала носился по закутку, потом тыкался в руки влажным пяточком в ожидании угощения, подставляя бока – для поглаживания и почёсывания.

Этим утром я проснулась и, еще не открывая глаз, уже поняла, что погода солнечная – и значит, день будет разноцветным.

Помогая мне одеваться, бабушка Дуня говорила:

– Сегодня тебе исполняется шесть лет. И пора бы самой всё натягивать, застёгивать и завязывать.

– Но ведь у лифа и платья пуговицы сзади, – возразила я.

– Ничего, – ответила бабушка. – Научишься. Не буду же я до старости помогать тебе одеваться.

Я сразу спросила:

– До чьей старости?

Но бабушка мне не ответила.

Много раз слышала я, как гости говорили бабушке Дуне, что она всё молодеет и хорошеет.

Что такое старость, я знала. Это сгорбленные старушки у церкви с жестяными кружками для милостыни. Это старички с палочками, едва бредущие по улице. Это бабушка Вапче, которая часто приходила к нам поговорить с бабушкой Дуней. Она трудно дышала, забираясь на пятую ступеньку высокого крыльца, приговаривая: «Старость не радость, Алдокия Петровна, вапче и в опчем».

А может, и до моей. Это обо мне часто говорили, как я подросла и повзрослела. Так и до старости недалеко, грустно подумала я.

– Завтракать! – Скомандовала бабушка. – Но сначала умываться.

В рукомойнике во дворе вода была холоднющая. Я смочила кончики пальцев и провела ими по лбу и по щекам. Потом ещё погремела рукомойником для виду и вытерлась холщовым полотенцем.

Бабушка Дуня была главной кормилицей в доме. Вставала чуть свет, топила печь и готовила сразу завтрак и обед на большую семью. Ещё она успевала полить свои грядки и покормить поросёнка Харитошу – и всё это пока я спала.

Дедушка, который работал в городе Клетня, приезжал только по воскресеньям. В эти короткие промежутки он меня воспитывал – сажал на колени и рассказывал поучительные истории из своей жизни или читал лекции о том, как я должна себя вести. Я часто засыпала у него на руках и слышала сквозь сон, как бабушка смеётся:

– Отец, да она уже спит совсем!

А он отвечал:

– Ничего, мать, во сне всё лучше усваивается.

И ещё он всегда говорил, что я должна слушаться бабушку и помогать ей во всём. А это значило возиться с маленьким вредным Павликом, сыном тёти Капы, которая была бабушкиной дочерью. Она недавно приехала к нам и уже устроилась на работу. Папа Павлика, дядя Володя, вернётся из армии только осенью, и Павлик его очень ждёт. А пока он на целый день остаётся с бабушкой и со мной.

Тётя Капа меня не замечала, как будто меня и не было вовсе. Всё время, пока она была дома, то и дело слышалось: «Павлик, мой сыночек! Павлик, солнышко!»

Меня так никто не называл. Зато у меня были два родных дяди, которые, я это знала, любили меня.

Дядя Миша работал на заводе самым главным сварщиком. Его друзья говорили, что он ещё и лучший бригадир сварщиков.

Однажды за ним приехала большая чёрная машина и увезла в Московскую область чинить очень нужный самолет, у которого при посадке произошла авария – сломались колесо и одно крыло. Мы ждали дядю Мишу целую неделю и очень волновались. А он приехал домой с почётной грамотой, деньгами и подарками.

Сегодня дядя Миша обещал прийти с работы пораньше, чтобы отвести меня в парк покататься на качелях. Я уже приготовилась ждать.

И вдруг этот день стал приносить мне одни неожиданности.

После завтрака бабушка сказала:

– Ну, Аля, танцуй! Тебе пришло письмо из Ленинграда.

Ура! Это письмо от дяди Серёжи. Он в этом году заканчивает Ленинградское артиллерийское военное училище. Потом он обещал взять меня и свою невесту Любу, и мы поедem служить в армию.

Я открыла конверт и достала красивую открытку с цветами и ещё письмо, где в конце странички дядя Серёжа нарисовал две смеющиеся рожицы.

Бабушка прочитала мне письмо вслух, о том, что сейчас он готовится к экзаменам, но, как только сможет, сразу приедет. Потом прочитала открытку, которая была написана только для меня и начиналась словами: «С днём рождения, моя дорогая племянница!»

Но день рождения только начинался.

Вскоре бабушка позвала меня делать пирожки и плюшки. Русская печка весело потрескивала, а пирожков и плюшек было так много, что я спросила:

– Это мы печём на целую неделю?

– Что ты, – смеялась бабушка, – лишь бы хватило на всех. Ведь у нас сегодня будут гости.

А потом вдруг приехал дедушка. И это была такая радость, что даже Павлик визжал от восторга.

Дядя Миша пришёл с работы очень рано, и они с дедушкой и Павликом ушли в сад, готовить для меня подарок.

Мы с бабушкой в это время встречали гостей. К нам приехали родственники из Брянска, из посёлка Радица, а из села Вязовск – дедушкина сестра с мальчиком, который был старше меня всего на три года. Мне сказали, что он мой двоюродный дядя.

А ещё пришли соседи. И все дарили мне подарки. Но какие-то неинтересные – рубашечки, кофточки, носочки. Дед Иван Сидорыч, наш сосед, что пришёл со своей женой тётей Верой, сказал:

– Какие ей теперь игрушки? Возраст не тот.

И заставил примерить халатик, который сшила мне тётя Вера из цветастого ситчика.

Наконец-то открылась калитка, и дядя Миша позвал меня:

– Аля, иди, принимай подарок!

Я вприпрыжку побежала в сад – и там, между яблонями, увидела настоящие качели, жёлтые, еще пахнущие краской, с удобным сиденьем. Наверху у них с двух сторон были большие деревянные «солнышки», которые поворачивались, когда раскачивались качели.

Мне что-то говорили дедушка и дядя Миша. Я ничего не слышала... Я была счастлива.

Дядя Миша посадил меня на сиденье, подтолкнул, и я стала взлетать вверх-вниз, вверх-вниз, от одной яблони до другой. Ура-а-а-а!

Тут же набегали дети, которые приехали в гости вместе с взрослыми. Это были мои многоюродные братья и сёстры. Видела я их редко и некоторых из них даже не знала по имени. Да они и сами не очень хотели со мной знакомиться поближе. Почти все были старше меня, и именинница казалась им малявкой. Но качели – это совсем другое дело, и все сразу меня заметили и стали просить: дай покататься.

Выстроилась очередь. И я безропотно слезла с качелей и встала в конец очереди – ведь они же были гости. Только одного мальчика – моего дядю – не заинтересовали качели. Он сказал, что у него дома есть такие, которые взлетают высоко над рекой.

– А какая у вас река? – спросила я.

– Очень красивая река, Десна, – ответил он. – Приезжай к нам в гости.

– А это далеко? – спросила я.

– Не близко, конечно. Мы с самого утра к вам шли, потом ехали.

Тут я подумала: как это может быть, что и у них, и у нас одна и та же река Десна? Надо бы спросить об этом у дедушки, а ещё про Вязовск – где он находится и можно ли нам туда съездить в гости.

Стол накрыли на веранде. И скоро нас позвали на большой пир. Все ели, пили, поздравляли меня и даже тянули за уши, а потом пели любимые дедушкины песни: «Из-за острова на стрежень» и «По диким степям Забайкалья».

Но вот наступил и мой звёздный час: дядя Миша взял в руки мандолину, тётя Капа гитару, и я стала петь. Всем очень понравилась песня про старушку нищую, а когда я запела «Катюшу», все стали весело подпевать. А потом хлопали, хвалили меня, и дед Сидорыч сказал дедушке:

– Пал Сазоныч, а ведь артистка растёт! Голосок пробивается.

– Инженером она будет, Иван Сидорович, – улыбнулся дедушка, вынимая изо рта трубку и разглаживая свои пышные усы. – А петь – пусть поёт себе и нам на радость.

Мой дедушка был великаном. Когда он разговаривал с Иваном Сидоровичем, тот едва доставал ему носом до плеча.

– Павел Сазонович, ты усы отращиваешь и кительки на заказ шьёшь специально? – допытывался он. – Чтоб на нашего вождя похожим быть?

Дедушка только отмахивался, потягивая свою трубочку.

–И трубку держишь совсем как он. Признавайся уже! Только вот волосы под ёжика зачем-то стрижёшь.

– Должно же быть какое-то отличие, Иван Сидорович! – Дедушка весело смеялся, обнимая соседа за плечи.

Когда гости разъехались, я побежала в сад осматривать свои качели – целы ли они после такого нашествия родственников. Павлик уже спал. Пришла бабушка и, одев меня потеплее, сказала:

– Покачайся, наконец, на своих качелях, пока мы посуду уберём.

Но время было позднее, из дальних уголков сада, где, притаившись, ещё лежал тёмный нездравый снег, поползли ночные тени.

Я закрыла глаза. Я всегда боялась темноты, но уходить домой сейчас не хотелось.

Заходящее солнце, выглядывая из-за соседского забора, отбрасывало длинные тени от яблонь, на которых уже набухли зеленоватые почки. Покачиваясь, я запрокинула голову и посмотрела на небо – оно было высоким и густо-синим, с редкими розоватыми от солнца облачками.

День рождения прошёл, но у меня остались воспоминания и замечательные жёлтенькие качели.

Отчего же было грустно? Может быть, оттого, что мне сегодня исполнилось шесть лет, а меня никто так и не назвал «моё солнышко, моя доченька».

Когда я была поменьше, бабушка часто говорила, что приходили за мной разные родители, но, посмотрев на меня и на то, как я себя веду, все разбежались.

Теперь я уже большая, веду себя хорошо, но родители так и не пришли на меня посмотреть.

В гости к бабушке Мане

21 июня.

Сегодня утро было пасмурным – но только не для меня. Ведь мы едем в Брянск, в гости к сестре бабушки Дуни – бабушке Мане. Это настоящее путешествие.

Мы ехали сначала на автобусе до самого Брянска, а потом долго шли пешком по зелёным улочкам. Я смотрела на дома, на цветы в палисадниках, на собак, которые лаяли на нас из каждой подворотни.

Улица, что вела нас к бабушкиному дому, поднималась вверх, и мы скоро устали.

– Это не улица Масловка, а какой-то пыхтун, – говорила бабушка Дуня, вытирая большим белым платком пот со лба.

Прошли до конца улицы, потом свернули в переулок, что шёл вдоль глубокого оврага. Дом бабушки Мани в переулке был первым, но из-за зелени не был виден в глубине двора.

Мы вошли в калитку. Вдоль забора на цепи бегала рыжая с белыми пятнами собака. Она не залаяла на нас, а завизжала от восторга.

Из дома выбежали две тётки – тётка Таня и тётка Тамара, дочери бабушки Мани. Страшными голосами они закричали:

– Мама! Мама! Тётка Дуня приехала!

Когда оглошшая, немного помятая от объятий и вкусно накормленная, я выбралась наконец из-за стола, сразу же побежала за дом, вдоль грядок, к ещё одной калитке, за которой совсем близко был край оврага.

Я слышала однажды, как бабушка Дуня говорила:

– Маня, как ты можешь столько лет жить на краю этой пропасти?

Бабушка Маня только смеялась:

– Где бы я ещё своих козочек пасла? А знаешь, какие родники у нас бьют в овраге?

Я не знала, где в овраге родники и кого они там бьют, но эта пропасть притягивала меня как магнитом. По её склонам, как светлые ленточки, петляли тропинки, а там, далеко внизу, бежал ручей.

Весь склон оврага зарос какими-то колючими и пахучими травами, да кое-где кустарниками. У многих корни торчали наружу.

На другой стороне оврага тоже были дома, но не такие, как у бабушки Мани, а белые, двухэтажные.

Мне строго-настрого запретили спускаться в овраг, и я устроилась на травке, на самом краю. Солнышко давно разогнало облака и усердно разогревало землю. Только из оврага слегка тянуло прохладой.

Я притихла и стала слушать. Мир был полон звуков. Кузнечики стрекотали, щебетали птицы, ветер шумел в саду, во дворах лаяли собаки, но все эти звуки не мешали мне слушать тишину, которая здесь была повсюду. Может быть, она жила в этом таинственном овраге и ночью вместе с туманом поднималась и заливала сады, дома и дороги.

Вечером к бабушке Мане пришли ещё гости. Чай пили в саду и, конечно, пели. Бабушка Дуня запевала своим высоким, сильным, красивым голосом незнакомые мне народные песни.

«А почему она дома никогда не поёт? – подумала я. – Вот бы дедушка удивился!»

У меня стали слипаться глаза.

Так закончился день, который уже завтра для нас останется в том мире, что был до войны.

Первые дни войны

22 июня

Утром в доме у бабушки Мани я впервые услышала слово «война». Ещё не зная, что это такое, я по лицам взрослых, по тревожным разговорам начинала понимать, что пришла большая беда.

Провожая нас, бабушка Маня плакала:

– Что же теперь будет, Дуня?

Они стояли, обнявшись.

– Не знаю, Маня. У меня сыновья. Сама понимаешь.

По улице Масловка, которая теперь была под горку, мы с бабушкой почти бежали.

На автобусной остановке было много народу. Все стояли молча у столба, где из громкоговорителя доносился мужской голос. То и дело были слышны слова «вероломное нападение фашистской Германии».

Многие женщины плакали, и незнакомая тревога стала сжимать моё сердце. Теперь она ползла по дорогам, заполняла улицы, переулки и, казалось, что как-то сразу потускнели окна домов с резными наличниками, и зелёные палисадники с пышными цветами на клумбах.

23 июня

Утром приехал дедушка. Я ещё спала. Проснулась оттого, что он, чмокая меня, пощекотал щеку своими пышными усами:

– Вставай, Аля. Пора завтракать.

Мне хотелось вскочить, попрыгать, повисеть у него на шее – ура, дедушка приехал! Но вдруг я всё вспомнила.

Сегодня дядя Миша уходит на войну. И его друг, наш сосед, дядя Володя Сидоров, сын тёти Веры, тоже. И мы все идём провожать их до военкомата. Потому и дедушка приехал.

Утром народу у военкомата оказалось так много, что мы и близко не могли подойти.

– Дальше не ходите, – сказал нам дедушка, и мы стали прощаться. Тётя Вера обняла сына и стала громко причитать. А бабушка Дуня держалась, только всё поправляла волнистые волосы на голове дяди Миши.

Он взял меня на руки.

– Видишь, сколько народу идёт на войну? А теперь скажи главные слова.

– Мы обязательно победим, – пропищала я, потому что глаза щипало, и голос куда-то делся.

Они ушли, даже не обернувшись, и как-то сразу растворились в толпе. Вместе с ними пошёл только дедушка. А мы еще долго стояли и смотрели, как мужчины то с чемоданчиками, то с тощими мешками за спиной всё шли и шли к военкомату.

Вечером бабушка Дуня с тётёй Верой плакали.

Но я-то знала – раз дядя Миша с дядей Володей ушли на войну бить фашистов, значит, мы обязательно победим.

Он сам мне об этом сказал.

И потянулись для нас тревожные дни в ожидании писем и новостей.

Середина июля

От дяди Серёжи пришло два письма из Прибалтики, из города Кингисепп. После окончания училища ему было присвоено звание лейтенанта. И теперь в воинской части, куда он был направлен, его назначили начальником военных мастерских. Мы все очень этим гордились. Дедушка Сидорыч говорил:

– Надо же. Всего девятнадцать лет, а уже командир, начальник.

А дядя Серёжа писал нам, что ему очень понравился город Кингисепп, и обещал приехать домой в положенный ему отпуск.

Только эти письма были написаны еще до войны.

Последнее письмо он написал из города Рига. Оно было коротким – о том, что выслал бабушке аттестат, что скоро всё закончится, фашиста мы разобьём. И просил: берегите детей. Это значило – меня и Павлика.

Я всегда первой встречала нашего почтальона. Но от дяди Серёжи писем больше не было. Открытки от дяди Миши приходили не реже двух раз в неделю. Бабушка положила ему в чемодан целую пачку открыток с заранее написанным нашим адресом. Дяде Мише оставалось только написать о себе – где он сейчас и что делает.

Писал он карандашом, иногда всего несколько строчек. И в конце – «Всех целую. М.»

Однажды я видела, как бабушка достала из своего сундучка маленькую икону. Поставила её на кровати, прислонив к подушке, стала на колени и за что-то благодарила Николая Угодника. Только потом я услышала, как она говорила соседке тёте Вере, что дядю Мишу отправили учиться на командира, и что помог Николай Угодник, которому она молится.

– Пока Миша будет учиться, и война закончится, – говорила бабушка.

А мир вокруг нас менялся до неузнаваемости. Мы каждый день собирались у репродуктора слушать новости. Я тоже слушала и понимала, что пока нашей армии приходится отступать, но никак не могла понять про потери, которые они несут. Что бы это означало? Ещё я запоминала наши города, которые захватывали фашисты. Вечером дедушка Сидорыч меня спрашивал, приходя к нам на крыльцо, чтобы обсудить последние новости с фронтов – скажика, Аля, какие города мы сегодня потеряли?

– Мы ничего не теряли – говорила я. – Просто фашисты захватили без разрешения. – И я перечисляла ему эти города.

Двадцатые числа июля

Я уже знала, что такое воздушная тревога. Первое время мы с бабушкой исправно бегали в бомбоубежище в Крамском переулке и сидели вместе с другими людьми до самого отбоя воздушной тревоги. В бомбоубежище было душно и скучно. Но однажды я познакомилась там с девочкой Лёлей. Она была немного старше меня, а в бомбоубежище, как и я, приходила с бабушкой. Лёля первая подошла ко мне познакомиться, а потом мы подружились.

У меня появилась подруга, и теперь время, которое мы проводили в плохо освещённом, набитом людьми помещении, проходило для меня незаметно. У Лёли была такая же тряпичная кукла, как у меня. Только у её куклы были настоящие наряды – вязаные шляпки, юбочки, кофточки.

Однажды Лёля принесла целый мешочек красивой одежды. Всё это связала ей мама из разноцветных ниток. Лёля разложила все наряды на лавке, а потом всё поделила поровну. И мне показалось, что самое лучшее она отдала мне.

Я растерялась. Что же я могу подарить Лёле? И вдруг сказала:

– Лёля, у меня в саду настоящие качели. Может быть, твоя мама разрешит тебе приходить к нам?

Лёля спросила, и – ура! – её мама стала приводить к нам Лёлю на целых полдня. Оказывается, Лёлин папа был на фронте, мама работала, а бабушка могла приходить только во второй половине дня. И нередко всё время до обеда Лёля сидела дома взаперти.

Теперь мы каждое утро встречались, играли, качались на качелях, возились с Павликом, особенно Лёля. Ей это нравилось больше, чем играть в куклы. Она его умывала, причёсывала, рассказывала сказки. Он всё принимал с удовольствием, но постоянно следил за мной. Стоило мне только отойти от них, он тут же забегал вперёд и спрашивал:

– Ты куда?

Лёля обижалась и однажды придумала:

– Давай вместе позовём его. К кому он пойдёт?

Мы разбежались в разные стороны и стали его звать.

Лёля:

– Павлик, миленький, хороший мальчик, иди ко мне!

И я:

– Павлик, иди ко мне! Сейчас же! – и я топнула ногой.

Павлик сначала растерялся. Потом отвернулся от нас и разревелся. Мы бросились его утешать.

Наша семья перестала ходить в бомбоубежище, и во время бомбёжки мы прятались в большом погребе нашего сарая. Иногда бомбили так близко, что даже в глубоком погребе ощущалось, как вздрагивает земля.

Шла война, над нами летали самолёты, на город падали бомбы, а в уютном мирке нашего сада мы играли, ели яблоки, качались на качелях и всё-таки были счастливы.

Но однажды рано утром ...

Дедушка приехал на грузовой машине-полупортке. Меня разбудили. Дома суматоха. Собирали вещи в узлы и бросали в кузов машины. Нас с Павликом покормили и тоже – в кузов. Когда мы уже отъехали, я спросила у бабушки:

– Мы надолго?

– Скорее всего, надолго, – обнимая нас с Павликом, сказала бабушка. В глазах у неё были слёзы.

– А как же мои куклы? А как же Лёля? – спросила я. – Мы с Лёлей даже не попрощались.

И я расплакалась, уткнувшись лицом в бабушкину кофту.

В городе Клетня

Как только мы выехали из города, дорога пошла через лес. Полупортка быстро бежала, то покачиваясь, то подпрыгивая на ухабах.

Я сидела у самого борта грузовика, глазами встречая и провожая высокие деревья, что росли на краю леса, и ещё смотрела, как от нас убегает дорога. День был пасмурный, где-то наверху ветер раскачивал ветви деревьев, а мне казалось, что это они прощаются с нами и грустно машут нам вслед зелёными вершинами. И я тоже стала на прощанье махать им рукой.

Иногда лес кончался, и шли поля, потом дома. Деревенские собаки бежали нам вслед, облаивая полупортку. А потом – опять лес.

Меня наконец укачало, и, прижавшись к бабушке, я уснула. Проснулась оттого, что машина остановилась, и дедушка сказал:

– Просыпайтесь, приехали!

Откинули задний борт. Сначала помогли слезть бабушке и тётке Капе, а потом сняли нас с Павликом.

Я сразу стала осматриваться. Нас высадили возле большого двухэтажного здания, которое оказалось школой.

В просторной, чистой комнате, куда привёл нас дедушка, в углу доверху были сложены столы, стулья и лавки. Сюда же принесли наши вещи.

Дедушка перенес в свободный угол два стола, две лавки и один исправный стул. Он усадил на него бабушку, взял её руки, погладил и сказал:

– Ну, мать, устраивайтесь потихоньку. Придётся здесь несколько дней пожить. Столовая недалеко. Я договорился. Всё приготовят по твоему заказу из того, что у них есть. Борщи хорошие готовят. Молоко для детей можно купить на рынке.

И дедушка ушёл.

Потянулись длинные и какие-то одинаковые дни. Мы с Павликом гуляли во дворе школы. Двор был вытоптан – почти весь голый, кое-где огороженный низеньким заборчиком, и только там пучками росла трава. Была ещё большая клумба, на которой цвели мелкие ромашки.

Только потом мы обнаружили с другой стороны здания настоящий сад из нескольких яблонь и слив. На яблонях уже не было ни одного яблочка, но играть в саду было интересней.

Играли в прятки. Павлик всё время водил, а я пряталась. Сам он прятаться совсем не умел. Встанет за ближнее дерево и кричит:

– Ищи меня. Я здесь!

Такой смешной.

Далеко от школы нам отходить не разрешали. Над городом часто летали самолёты, и в любой момент могла прозвучать сирена воздушной тревоги. А это значило, что нам с Павликом надо было быстро бежать к входной двери в школу, где нас будет ждать бабушка, и мы все вместе поспешим в бомбоубежище. Уже два раза мы там были, но нас так и не бомбили, только где-то далеко было слышно тяжелое уханье.

Шла уже третья неделя. Дедушка приходил часто, но ночевал в своём кабинете на заводе. А мы спали прямо в этой большой комнате на матрасах. Нам принесли только одну детскую кроватку для Павлика, но он наотрез от неё отказался и спал со своей мамой на полу. Зато мне досталась кровать.

Сегодня у нас большое событие. На знакомой полуторке к школе привезли несколько семей. Сразу стало шумно и весело. Маленькие дети бегали по коридору школы, а с детьми постарше я пыталась познакомиться – хотела найти себе подружку. Но все три девочки, которые приехали, были намного старше меня.

В нашей комнате поселилась одна семья: тётя Полина, бабушка Надя, двенадцатилетняя Неля и четырёхлетний Петя. Петя и Павлик сразу подрались – Петина игрушка понравилась Павлику. Вообще Петя всё время жаловался и хныкал. Пришлось мне Павлика уводить во двор поиграть.

Бабушка сказала:

– Пусть Петя привыкнет к новой обстановке.

Моя бабушка сразу подружилась с бабушкой Надей. Вечером, как только окна завесили одеялами, они долго сидели за столом у керосиновой лампы и составляли список продуктов, которые надо будет взять с собой в дорогу.

Ура! Значит, мы скоро уедем отсюда.

Мне здесь совсем не нравилось.

Прошла еще неделя. Ночами я часто просыпалась. Над нами летали самолеты. Было так тревожно, что и взрослые долго не спали, тихо переговариваясь. Однажды под утро по сигналу воздушной тревоги нас с Павликом разбудили, одели, и мы побежали в бомбоубежище. Я всё время отставала, и бабушка тащила меня за руку. В бомбоубежище было холодно. Мы долго сидели на неудобных лавках и совсем замёрзли. Но самолёты в этот раз нас не бомбили.

Всё случилось следующей ночью. Так же завывла сирена воздушной тревоги. Так же переговариваясь, все быстро собирались, и я услышала бабушкино негромкое: «Аля, вставай».

Просыпаться не хотелось. Хныкал сонный Павлик. Я натянула одеяло на голову и, прижавшись к стенке, вновь уснула.

В темноте и суматохе меня забыли, и я осталась одна ночью в опустевшей школе.

Только на этот раз стали бомбить.

Проснулась от страшного грохота. Меня подкинуло вместе с кроватью. Что-то гремело и падало, звенели разбитые стёкла. И почти сразу – ещё один удар. С треском распахнулась дверь. Меня опять подбросило. Казалось, что в ушах лопнуло по огромному воздушному пузырю.

Я скатилась на пол и забилась под кровать.

Вдали еще раз ухнуло.

Через некоторое время я пришла в себя. На полу было холодно.

– Бабушка-а! – закричала я изо всех сил, но сама себя не услышала.

Вокруг меня была тёмная тишина. То ли от страха, то ли от холода меня сильно трясло. Я хотела ещё покричать, но сил не было.

Протянула руку вверх, нащупала угол одеяла, долго старалась, пока не стянула его на пол. Потом стала возиться, заворачиваясь в него, чтобы не осталось ни щёлочки. Но скоро воздух под одеялом закончился, и мне пришлось высунуть нос наружу. Зато я перестала трястись от холода.

Прислушалась – никого нет.

Я поняла, что все ушли в бомбоубежище, и мне надо только подождать, пока они вернуться. Отчего-то сильно болел живот. Я ещё покрутилась, чтобы найти положение, когда он будет болеть поменьше.

А может быть, бомба попала в школу, и всё кругом разрушилось, только моя кровать и эта стена уцелели?

Дедушка, когда приезжал за нами в Бежицу, попал под бомбёжку и даже получил лёгкую контузию. Он не раз об этом рассказывал.

Теперь, наверное, и у меня контузия. И может быть, я даже оглохла, как он тогда. Почему-то я совсем ничего не слышу...

Прислушалась ещё, чуть-чуть приподняв одеяло. Тихо.

И вдруг неподалёку мяукнул школьный кот. Значит, я здесь не одна, и всё слышу. «Киса, кисонька, где ты?» – неожиданно всхлипнув, позвала я кота. Кот мяукнул снова, уже ближе, и где-то устроился.

Я знала, что этот кот не любил детей и никогда не давал себя погладить, как мы с Павликом его не подманивали. Но сейчас, когда он был где-то рядом, мне стало не так страшно одной в пустой школе. Кот жив, может и школа цела.

Приоткрыв одеяло, я вся обратилась в слух, и тут от ветра хлопнула дверь или окно, где-то упало и грохнуло разбившееся стекло, так звонко, что я вздрогнула.

Прислушалась ещё – тихо. Глаза стали слипаться. Только успела подумать о том, что бабушка опять устроит мне взбучку.

Первое, что я услышала, просыпаясь – захлопали двери, и в комнате заходили, заговорили, заохали.

С окон сняли одеяла, и сумеречное утро, как могло, осветило серые стены.

Но в мой угол под кроватью оно даже не добралось.

Спать на полу, скорчившись, было так неудобно, что всё тело затекло, никак не открывались слипшиеся глаза.

Тут дедушка встревоженным голосом спросил:

– Мать, а где Аля?

– Да с Капой, конечно, – ответила бабушка.

И я поняла, что надо выбираться из-под кровати. Непослушными руками и ногами стала выпутываться из одеяла, и тут кто-то взялся за его край и вытащил весь клубок на свет. Это дедушка спас меня из одеяльного плена.

Пришла тётя Капа. Она держала Павлика на руках. Спросила:

– Что случилось-то?

А дальше меня обнимали, спрашивали, трогали, крутили. Сонная, растерянная, я понимала – что-то произошло и, наверное, это из-за меня, из-за того, что я осталась в школе.

Дедушка молчал.

Бабушка плакала.

Никто меня не ругал.

Когда я была одета, дедушка сказал:

– Мы уходим. Я обещал Але показать завод.

И вдруг тётя Капа попросила:

– Папа, не забирай Алю. Павлик сейчас раскричится – не успокоим.

– Павлик?! – неожиданно грозно посмотрев на неё, сказал дедушка.

И мы вышли в полной тишине.

Я была рада, что иду с дедушкой на завод. Но когда мы оказались в коридоре школы, я замерла. Большинство окон было выбито, весь пол усеян разбитыми стёклами.

Я стояла, не зная, куда наступить. Дедушка меня не торопил, потом взял на руки и пошёл по битым стёклам к выходу.

Мы прошли через двор и там, в дальнем углу, возле заборчика, я увидела большую круглую яму.

– Вот здесь и упала бомба, – сказал мне дедушка.

Ёжась от утреннего холода, люди, стоявшие у ямы, показали нам, где упала вторая бомба. Совсем недалеко, сразу за дорогой. И тут я впервые узнала, что эти ямы от бомб называются воронками.

У школы нас ждала полуторка. Мы сели в кабину, и дедушка познакомил меня с шофёром.

– Митя, – представился молодой черноглазый парень и протянул мне левую руку. На правой у него была кожаная перчатка. В ответ я ему протянула правую:

– Аля.

– Красивое имя, – улыбаясь, сказал Митя, и потряс мою руку.

Мы потихоньку поехали, объезжая край воронки.

– В бомбоубежище-то слышно было, как здесь бомбили? – спросил меня Митя.

– А она, Митя, в это время в школе была. Одна.

Полуторка дёрнулась и остановилась.

– Вы серьёзно, Павел Сазонович?

– Уж куда серьёзней, – ответил ему дедушка.

Митя опять протянул мне левую руку.

– С боевым крещением, Аля, – его улыбчивое лицо на этот раз было серьёзным.

Когда мы вошли в дедушкин кабинет, там, на большом письменном столе звонил и звонил телефон. Пока дедушка был занят разговорами, я присела на чёрный кожаный диван и осмотрелась. На стенах кабинета висели портреты. В углу стояла кадка с высоким красивым деревцем, которое цвело красными колокольчиками. Ещё в кабинете было два окна и много-много стульев. Больше рассматривать было нечего, и я пошла к окнам.

Молодая женщина с закрученной вокруг головы косой принесла нам чай, тарелку с хлебом и яичницу. Как только мы позавтракали, дедушка взял папку с документами, и мы пошли на завод. На улице нас ждали Митя и ещё несколько мужчин.

И тут дедушка, повернувшись ко мне, сказал:

– Аля, ты уж прости меня. Надо срочно идти по делам. Придётся мне попросить Митю показать тебе завод. А потом он отведёт тебя в школу к бабушке.

Мы с Митей пошли по широкому проходу, где по сторонам были сложены штабелями доски, толстые брусья и даже целые брёвна.

Рассказывая обо всём, мимо чего мы проходили, Митя вдруг развёл руками и грустно сказал:

– Видишь, людей на заводе почти нет. Тихо. Это потому что завод не работает. Но не везде. Сейчас мы пойдём с тобой в цех, где делают заготовки для мебели, и ты увидишь, как здорово завивается стружка из-под резца, и пахнут смолой сосновые доски.

В цеху я заворожённо смотрела, как работает станок, спиральками вьётся стружка и, отламываясь, падает на пол. А на станке получается гладкая жёлтенькая доска. Поднимая ещё тёплую стружку, я подносила её к лицу, нюхала, разглядывала.

Дядя Толя – так звали волшебника, работающего на станке, выключил его и подошёл к нам.

– Ты кого это привёл? – спросил он Митю.

– Да вот внучка Павла Сазоновича. Интересовалась посмотреть, как вы тут работаете, – пошутил Митя.

– А что? Мы гостям рады.

– Дядя Толя, – спросила я волшебника, – вы инженер?

– Пока нет, – ответил он, – но как только война закончится, обязательно пойду учиться на инженера. – А ты вот кем хочешь быть?

– Я вообще-то хотела пойти в певицы, но теперь не знаю, – сказала я, поглядывая на станок.

– Я вижу, тебе у нас понравилось, – засмеялся дядя Толя. – А у меня вот для тебя подарок образовался.

Обогнув станок, он пошёл к большому пыльному окну, и тут я увидела, что он сильно хромает. Дядя Толя принёс два деревянных кубика и дощечку.

– Ты посмотри пока, какой узор на дощечке, а я у кубиков пазы сделаю, – и он пошёл к другому станку. Вернулся быстро, взял у меня дощечку и вставил ее концы в прорези, которые появились у кубиков.

– Вот и получилась скамеечка для кукол, – сказал он. – Это тебе на память о нашем заводе.

Я поблагодарила дядю Толю, взяла немного стружки в карманы, и, попрощавшись, мы с Митей ушли. Потом долго шли по заводу, пока не вышли к воротам, что вели на улицу. Я её сразу узнала – вдали была видна знакомая столовая.

– А не зайти ли нам перекусить? – предложил Митя.

Но в столовой меня уже ждали бабушка Дуня, тётя Капа и обиженный, надувшийся на меня Павлик.

С Павликом я быстро помирилась – сказала, что у меня в кармане что-то есть, и я обязательно с ним поделюсь, когда вернёмся в школу. Кубики и дощечку бабушка сразу спрятала в сумку, чтобы он не шумел.

Это был последний наш обед в гостеприимной столовой. Ближе к вечеру к школе подошли пять больших грузовиков, совсем непохожих на полуторку. У них с двух сторон от кабины были длинные круглые печки, а в кузове, ближе к кабине, в два ряда сложены дрова – короткие чурбачки. Оказывается, эти машины ездили не на бензине, а на дровах.

Мы стали носить свои вещи к машинам, так же как и все люди, жившие в школе. Все машины, кроме двух, были загружены большими ящиками.

Женщины с детьми стали устраиваться в кузовах грузовиков, свободных от ящиков. А нас дедушка отвёл к грузовику, где в середине между ящиками и у заднего борта было оставлено место. Наши вещи быстро покидали в кузов, а потом бабушка Дуня и тётя Капа стали распределять узлы и узелочки, чтобы было где разместить нас с Павликом.

Я была рада любому местечку, лишь бы поскорее уехать отсюда, и совсем не понимала, почему женщины плакали, и даже у бабушки Дуни на глазах были слёзы.

Дорога на Орёл

Было ещё светло, когда машины не спеша выехали на дорогу. Провожающих было немного. Я стояла между ящиками, держась за верёвки, которыми они были связаны, и смотрела, как от нас удаляется школа.

– Да сядешь ты наконец! – сердито одёрнула меня тётя Капа. – Сколько можно стоять!

– Я тебе говорила, Капа, – сказала ей бабушка Дуня, – Алю между ящиками не удержишь – она обязательно должна всё видеть.

И бабушка перевела меня ближе к заднему борту на большой серый мешок, рядом с собой. Мне выделили подушку с жёсткой зелёной наволочкой, и это стало моим законным местом. Теперь я сколько угодно могла смотреть на убегающую дорогу, дома, деревья.

Павлик пробрался ко мне, пообниматься, но сразу же уполз к маме – тут ему было страшно. Вскоре бабушка выделила нам по столовскому пирожку с повидлом и налила по кружке тёплого чая из большой бутылки, обернутой в тёплую бабушкину кофту. Сделав несколько глотков чая и съев пирожок, я сразу согрелась, и глаза сами собой стали закрываться.

Сумерки наступили очень быстро. Машины включили фары и ехали поодаль друг от друга. Меня укрыли чем-то тёплым, и я уснула. Проснулась сразу, как только машина остановилась.

Ночь. Холодно. Все спят, только мы с бабушкой не спим.

Встав на колесо, в кузов заглянул наш шофёр Фёдор Степанович и сказал:

– Остановил военный патруль. Проверяют документы. Не беспокойтесь, всё в порядке.

Скоро поедем.

Небо с одной стороны посветлело.

Но было как-то тревожно. Я прислушалась. У соседней машины слышны голоса, и среди них – голос дедушки.

Голоса приближались. Вдруг над бортом нашего грузовика показалась голова в зелёной фуражке.

– Кто это тут таращится? – строго спросила усатая голова, посмотрев на меня.

– Я не таращусь, – отозвалась я.

Сделав страшное лицо и выпучив глаза, голова сказала:

– А что, я таращусь, что ли?

Это было так смешно, что я не выдержала и прыснула со смеху.

Засмеялась и голова. Потом, отдав мне честь, исчезла.

Сразу стало веселее, и хмурое холодное утро уже не казалось таким хмурым. Мне только хотелось, чтобы машины поскорее поехали. Но машины всё стояли и стояли.

Бабушка встала у заднего борта и, когда дедушка был поблизости, спросила у него, почему мы стоим.

– Сейчас принесут карту и покажут нам, по какой дороге можно ехать. Вот и ждём, – ответил ей дедушка. – Теперь не везде проедешь. Где-то разбомбили мост. Да мало ли что ещё... Война идёт, мать.

Я немного повозилась на своём мешке и, уснув, не услышала, когда наша машина вновь покатила по дороге.

Проснулась оттого, что солнце светило мне прямо в лицо. Приоткрыла один глаз и увидела над собой ветки с жёлтыми листьями. И тут услышала голос бабушки Дуни:

– Пусть поспит. Она всю ночь не спала, дежурила по колонне.

Но что это? Ей кто-то отвечал Митиным голосом. Он говорил, что скоро принесут горячий обед и о том, что подогревать негде и надо бы покормить всех, пока не остыло.

Неужели это Митя? Но я же сама слышала, что Митя с нами не едет.

Сон с меня сразу слетел. Я вскочила – задний борт грузовика откинут, а рядом стоят бабушка и Митя в телогрейке и ушанке, из-под которой кудрявится тёмный чуб.

– Митя! – закричала я.

Он повернулся. Снял меня с машины, покружил и поставил на землю.

– Где мы? – спросила я.

– На краю земли. Но здесь есть клуб, и все наши там давно расположились. Павлик нашёл себе друга и носит с ним по коридорам. А я пришёл за тобой и Евдокией Петровной. Скоро принесут горячий суп и картошку, так что быстренько, быстренько, побежали.

– Митя, а ты решил ехать с нами? А в какой машине едешь? – вопросы так и рвались у меня с языка.

– Я не еду, Аля. Я веду самую тяжёлую машину. В колонне иду вторым.

– А покажешь машину? А в кабине посидеть можно? – не унималась я.

– Не знаю, не знаю. – Он озабоченно наморщил лоб. – Посмотрим на твоё поведение.

В клубе столов было мало. Все устраивались кто как мог: на подоконниках, а то и просто сидя на полу. Наши эмалированные миски стояли на двух ящиках, которые тётя Капа накрыла холщовым полотенцем.

На обед была лапша с поджаренным луком. Бабушка постаралась выловить ложкой лук из моей миски. Но это мало помогло, и когда Митя, пообедав, проходил мимо, я всё еще пыхла над своей лапшой.

– Вот так вот, значит, мы едим вкуснейшую лапшу! – сказал он.

Горькие слёзы выступили у меня на глазах.

– Ладно, не горюй, – пожалела меня бабушка и выдала ещё тёплую картошку с тушёной, которую я сразу же съела. Потом пили чай, и вот я свободна.

На этот раз бабушка осталась с Павликом и ещё двумя малышами, а меня взрослые взяли в рощу, где пилили и кололи дрова. Я носила готовые чурбачки к машинам.

Все почему-то развеселились. Шутили, смеялись. А одна женщина сказала:

– Вот приедем в Орёл, а наши уже фашиста погнажи. И нам как раз хватит дров, чтобы домой вернуться.

Кто бы мог тогда подумать, что это было только начало наших трудных дорог по тылам войны.

Ужинали поздно, какой-то кашей, молоком и очень вкусным белым хлебом. Потом все быстро собрались и пошли к машинам. Печки в грузовиках уже топились.

Мы с бабушкой, тётей Капой и Павликом забрались в кузов. Я так набегалась за день, что удобно устроившись на своей подушке, сразу уснула, не дождавшись, когда колонна двинется в путь.

Проснулась рано утром оттого, что машины остановились – проверяли документы. Услышала – кто-то сказал, что мы уже в Орле. Я встала и осмотрелась: улица, на которой стояли машины, была в тумане, и казалось, что дома не стояли на земле, а плавали в густом белёсом киселе. Было сыро, холодно и неудобно. «Лучше уж вернуться обратно в Клетню», – подумалось мне. Я вновь устроилась на подушке, прижалась к бабушке и вдруг поняла, что она тоже не спит, и ей сейчас, как и мне, холодно и грустно.

В Орле

Как только встало солнце, от тумана не осталось и следа. Дома, как и положено, стояли на земле. В саду ближнего дома на голых ветках ещё висели яблоки.

Стало теплее, а машины всё стояли и стояли на улице. К нам подходили какие-то женщины, и бабушка у них покупала разную еду. Скоро мы уже завтракали горячей картошкой и варёными яйцами с домашним хлебом.

– Хочу яблок! – кричал Павлик, который устал топтаться в кузове на одном месте, и ему давно хотелось побегать.

Но нам пока не разрешали покидать машину.

Ближе к обеду приехал дедушка на зелёном, как кузнечик, автомобиле, и вся колонна двинулась следом за ним по улицам города Орла. Мне показалось, что ехали очень медленно. Остановились у длинного дома, который все называли баракком. Как только выгрузили вещи, машины сразу же уехали.

– Поиграй с Павликом на улице, – сказала мне тётя Капа, – пока мы не устроимся на новом месте.

Но тут в небе послышался гул самолётов. Все укрылись в доме. Здесь, в Орле, тоже бомбили – где-то далеко, но всё равно было страшно.

Потом приехал дедушка и рассказал, что бомбили вокзал, но, слава богу, всё мимо, и ещё, что у нас теперь осталось всего три машины. А это значит три водителя и Тимофей Филиппо-

вич, который поедет в кабине вместе с Митей. Все звали его кочегаром, а дедушка говорил, что он главный специалист по нашим машинам.

Назавтра утром семьи тех, кто эвакуировался за Урал, переселились ближе к вокзалу. Они ждали поезда.

После обеда дедушка собрал за столом трёх водителей, Тимофея Филипповича и его жену Варвару Игоревну, бабушку Дуню, тётю Капу, меня и Павлика. Он сказал:

– Нашему небольшому коллективу предстоит дорога в город Задонск – но только в том случае, если фашисты попытаются взять город Орёл. Три грузовика, нагруженные ящиками с оборудованием, будут стоять замаскированные неподалёку. Только я надеюсь, – добавил дедушка, – что наша армия скоро даст фашистам по зубам, и покатаются они восвояси.

И тут я вспомнила сон, который приснился мне однажды зимой. Мне снилось, что в открытую форточку нашей комнаты в Бежице лезли, отпихивая друг друга, огромные клыкастые волчьи морды, с длинных языков которых капала пена. Но еще страшнее были морды хрюкающих кабанов с красными глазами и длинными жёлтыми кривыми клыками...

Наверное, я стала кричать от ужаса, потому что проснулась на руках у бабушки, который пытался меня успокоить. Но и проснувшись, я всё ещё видела этих страшных чудовищ, продолжавших когтями царапать окно.

– Это ветер, ветер стучит ветками вишни по стеклу, – успокаивал меня дедушка. А бабушка стала умывать святой водой из бутылочки и, перекрестив, прочитала молитву.

Вот и сейчас мне подумалось: может, фашисты и есть те клыкастые чудовища, что тогда мне приснились?

Два раза мы ходили с бабушкой Дуней на вокзал, провожали все поезда, уходящие на Урал.

Мне нравилось идти по длинному мосту через реку Оку и обязательно постоять посередине, откуда далеко было видно в одну и в другую сторону реки.

На вокзале, как всегда, была тьма народу. Все с чемоданами, с узлами, с детьми. Одни куда-то спешили, другие терпеливо ждали у своих вещей. Бабушка всё кого-то искала в толпе, с кем-то знакомилась и часто принималась плакать, провожая уходящий поезд, набитый до отказа людьми. Но тех, кто ехал с нами на машинах, мы так и не увидели.

Дедушка совсем не одобрял наших походов, даже на маленький рынок, что был неподалёку.

– Мать, – говорил он, – это очень опасно. В любую минуту может быть налёт фашистских бомбардировщиков или нам придётся быстро собирать вещи. Да мало ли что... Прошу тебя далеко от дома не отходить.

Бабушка согласилась, и наши походы прекратились.

Однажды Митя взял меня за руку, подвёл к бабушке и спросил:

– Не пора ли нам подстричься? По-моему, мы сильно обросли. Да и парикмахерская здесь неподалёку.

– Пора, пора, – улыбнулась бабушка, потрепав Митю по чёрной кудрявой шевелюре. Рассказала ему, как надо бы меня постричь, и мы с Митей пошли.

В парикмахерской все три девушки у больших зеркал были заняты – они стригли военных. Там стоял резкий запах незнакомого мне одеколона.

Дождаясь своей очереди, мы с Митей устроились на стульях в прихожей. И тут я наконец решила узнать, почему на правой руке он постоянно носит перчатку.

Я и сама догадывалась, что с рукой что-то не так. Но что – спросить не решалась.

– Потому что, – ответил Митя, помолчав, – руки-то у меня, Аля, и нет. – И протянул мне руку в перчатке.

Я покраснела как помидор. Но пальцы в перчатке потрогала. Они были жёсткие и неживые.

– Это случилось давно, лет пять назад. Мне было шестнадцать. Только что на завод взяли учеником. Любопытный был. Вот и сунул руку куда не следует. И вмиг лишился четырёх пальцев и ладони. Один большой палец остался, и тот пришивали.

– Митя, но сама рука-то цела? – обрадовалась я.

– Ну, Аля, ты у меня настоящий друг.

Митя повернулся ко мне вместе со стулом.

– Я всегда говорю жалельщикам, что не надо хныкать о том, чего нет, а уметь радоваться тому, что имеешь, – он ещё немного помолчал. – Твой дедушка отправил меня в Москву, и теперь у меня такой протез, что я могу водить любую машину. Вот – два года уже за рулём.

Подошла наша очередь. Митя объяснил девушке, какой у меня должна быть причёска, и вокруг моей головы защёлкали ножницы. Волосы сыпались вокруг, шекотали лицо. Я сидела с закрытыми глазами и очень боялась за свои уши, когда сзади по голове пребольно водили машинкой. Потом девушка кисточкой смела остатки волос с лица, сняла клеёнку и сказала:

– Можешь открыть глаза.

И тут в зеркале я увидела лысого мальчика с чёлкой до середины лба и красными ушами по обе стороны незнакомого лица.

– Вот это да, – сказал Митя, но, увидев мои несчастные глаза, кивнул девушке:

– Меня, пожалуйста, точно так же.

Домой мы вернулись к обеду. Все уже сидели за столом и ели борщ, но увидев нас, есть перестали, молча рассматривая наши причёски. И вдруг стали весело переглядываться, а потом смеяться.

Даже дедушка, достав свой носовой платок и вытирая им глаза, говорил:

– Спасибо, Митя, ну и повеселил ты нас. За что же это вас так...

– Война, Пал Сазоныч, не до кудрей... – пробормотал Митя, приглаживая чуб – клочок кудрявых волос, который упрямо стоял торчком.

– Митя, оставь чубчик и попробуй пригладить уши, – хохотала тётя Капа.

– А я считаю, что их неплохо постригли, – высказал своё мнение водитель Григорий Авдеич. – Ведь сколько мыла надо было, чтобы вымыть Митину голову! А теперь какая экономия. И вытереть можно носовым платком.

Только бабушка не смеялась.

– Садитесь-ка к столу, пока всё горячее. А волосы быстро отрастут, не успеете оглянуться, – и она погладила меня по лысой голове.

После обеда бабушка повязала мне на голову платочек потеплее, и я отправилась на улицу погулять.

Митя натянул на голову свою ушанку, и они с дедушкой ушли по делам.

– Что-то взрывы стали как будто ближе. Или мне кажется, – говорила бабушка тёте Капе, выйдя на улицу и прислушиваясь к далёкой канонаде.

И тут вдруг вернулся дед с каким-то военным:

– Собираемся. Без паники, но только очень быстро.

Военный развернул на столе карту и стал что-то показывать дедушке.

Мне вручили Павлика и велели ждать на улице. Общая тревога взрослых передалась и нам. Мы с Павликом прижались друг к другу и смотрели, как возле нас стала расти горка вещей, которые носили из дома бабушка, тётя Капа и Варвара Игоревна.

Пока ждали машин, мы успели как следует подмёрзнуть. А когда они прибыли, быстро погрузились и поехали по дороге, которая должна была увести нас подальше от фронта.

Дорога на Задонск. Первые сутки

Погода совсем испортилась. Тёмные тучи нависли над дорогой. Ветер хлопал брезентом, которым были накрыты ящики, а за ними от ветра прятались мы.

На ухабистой дороге нашу машину всё время то раскачивало, то подбрасывало.

И вдруг – стоп: проверка документов. К нам подошел дедушка, спросил:

– Как вы тут?

Выслушав наши жалобы, он подбодрил всех, сказав, что мы немного меняем маршрут, и теперь дорога будет получше. Машины поехали, а я впервые не стала смотреть по сторонам и на убегающую вдаль дорогу.

– Фронт совсем близко, – сказал дядя, проверявший документы. А это значило – фашисты где-то рядом. Может быть, даже в том лесочке, который изо всех сил размахивал вершинами высоких деревьев, словно предупреждая нас об опасности.

Стало быстро темнеть. Пошёл снег. Он пронёсился мимо крупными редкими хлопьями. Я выставила руку, чтобы поймать хоть одну снежинку, но ничего не получилось. А тут бабушка с тётей Капой развернули над нами брезент и привязали его к заднему борту машины.

В темноте делать было нечего – только уснуть.

Проснулась оттого, что всё тело затекло. Машины стояли. Вокруг было тихо. Я подползла к заднему борту и высунулась из-под брезента. Тут меня и увидел Митя.

– Просыпайтесь, просыпайтесь, уже утро. Я давно вас сторожу.

Павлик тут же оказался рядом. Открыли задний борт, и вот мы на улице возле калитки, за которой стоял небольшой бревенчатый дом.

– Шагайте по дорожке, – сказал Митя, открывая калитку. – Вас там уже ждёт бабушка.

Снег лежал только на траве, а на дорожке, которая вела к низкому крыльцу, было грязно и скользко. Встретила нас незнакомая бабушка с таким добрым лицом, что даже капризный Павлик позволил ей раздеть себя и разуть.

В кухне тепло, уютно, кругом половички. Приговаривая, какие мы хорошие да пригожие, бабушка усадила нас за стол.

– Сейчас картошечка поспеет, молочка разживёмся, – приговаривала она, нарезая ломтики от большого круглого хлеба. – А пока вот чайком погрейтесь, – она налила нам с Павликом по кружке чаю и ещё дала по кусочку хлеба с розовым салом сверху. Потом достала блюдечки, потому что чай в кружках был очень горячий.

– Откуда же вы едете, мои хорошие? – Спросила бабушка, обращаясь ко мне.

– Сейчас из города Орла. А раньше из города Клетня. А ещё раньше из Бежицы.

– Беженцы, значит, – покачала она головой, подливая чай в Павликино блюдечко.

Мы ещё не допили чай, как пришли бабушка Дуня и тётя Капа. Увидев нас за столом, они стали благодарить незнакомую бабушку, у которой оказалось очень трудное имя – Агриппина.

– Нас поселили неподалёку, в большом доме, – сказала тётя Капа. – Одевайтесь-ка, ребята, да поскорее.

Бабушка Агриппина положила в плетёную корзину хлеб, картошку, лук и пошла провожать нас.

В большом доме уже топилась печь. Нас с Павликом покормили горячей картошкой с постным маслом и отправили на печку греться. Мужчины уже сидели за столом и молча ели, когда в комнату вошли военные.

Их было трое. Двое остались у дверей, а третий подошёл к столу и спросил:

– Чьи это машины у дома?

– Это наши машины, – сказал дедушка, вставая из-за стола и вытирая полотенцем свои пышные усы.

– Ваши машины нужны фронту, – грозно сказал военный. – Немедленно разгружайте ваше барахло и передайте мне машины и шоферов.

– Я не могу этого сделать, – ответил дедушка, протягивая ему свою коричневую папку с документами.

– Ваши документы отменяются. Война, – сказал военный и, не глядя, швырнул папку – та, не долетев до стола, шлёпнулась на пол. – Вас я арестовываю – и под трибунал, – сказал он

дедушке. – А вы, – это уже нашим водителям, – быстро разгружайте машины. За неподчинение по закону военного времени – расстрел.

Но никто не двинулся с места.

– А вот ты, мордастый, почему не в армии? – спросил он Митю, который в это время поднял с пола папку и теперь засовывал её под свою куртку.

– Просился. Не берут, – отрапортовал Митя, вытянувшись по стойке «смирно».

– Я помогу тебе сегодня же оказаться в окопах, – и военный ещё раз огляделся вокруг. – А пока вы трое пойдёте со мной.

Дедушка, Митя и Григорий Авдеевич вышли вместе с военными. С нами остались два водителя и Тимофей Филиппович.

Наступила оглушающая тишина.

Я понимала, что случилось что-то страшное.

Тимофей Филиппович вышел из-за стола:

– Не раскисайте тут. Работы непочатый край, – и, обращаясь к жене, – А ты, Варя, чего ревёшь-то? Разберутся там, и всё образуется.

И он тоже ушёл. Но после его слов все как-то задвигались, стали переговариваться, убирать со стола.

Ко мне подошла бабушка.

– Аля, ну-ка не плачь. Надо просто подождать. Дедушка скоро вернётся. Ведь мы же умеем ждать?

И потянулось время. Бабушка топила печку, варила перловый суп с тушёнкой в большом чугунке. Прошёл обед, но, кроме Павлика, никто не ел. Все ждали, пряча друг от друга испуганные глаза.

И всё же дедушка вернулся неожиданно. А с ним пришли наши водители и двое военных. Вот теперь все радовались и обнимались, а бабушка плакала.

Военные принесли немного продуктов. Один из них, пожимая дедушке руку, говорил:

– Вы уж извините нашего капитана...

– У меня два сына на фронте, – сказал дедушка. – А если бы они повели себя так же?

– Положение у нас непростое, – вступил в разговор второй военный. – Машин нет. Продукты к госпиталю подвезти не на чем... а тут ещё это письмо.

Потом они попрощались и собрались уходить. Но вдруг дедушка сказал:

– Мы тут посоветуемся с водителями и постараемся освободить от груза одну машину.

– Было бы неплохо, – сказал один военный, у которого тоже были усы – но не такие пышные, как у дедушки.

Когда они ушли, все быстро сели за стол.

– Перед обедом – небольшое сообщение, – сказал дедушка. – Мы все благодарим Тимофея Филипповича, который помог ускорить наше освобождение.

– Я так понимаю, что мне полагается добавка, – потирая руки, обрадовался Тимофей Филиппович.

– Будет, будет тебе добавка, – Варвара Игоревна смотрела на него глазами, покрасневшими от слёз.

– А ещё в нашей дружной семье завёлся предатель, – продолжал дедушка.

– Кто ж это?

Все смотрели на дедушку.

– Да вот он, собственной персоной. Митя.

– Я??? – Митя вскочил из-за стола. Лицо у него было такое возмущённое, что все невольно заулыбались. В словах дедушки чувствовался какой-то подвох.

– Напрасно смеётесь, – сказал дедушка. – Ведь это из-за него нас забрали. Подумали, что я вот такому молодцу с красными щеками по знакомству бронь сделал. А он стоит, руку в карман спрятал и помалкивает.

– Да как бы вы без меня справились?! Да за вами всё время пригляд нужен! Даже документы с собой не взяли! – гремел Митя, но все уже от души смеялись.

– Ешь, Митя, ешь, – прятал улыбку в усы дедушка. – А за документы так и быть, мать, подлей ему ещё супчику.

После обеда на убранном столе разложили листочки, над которыми склонились водители. Я теперь не отходила от дедушки ни на шаг и всё время лезла ему под руку.

– Пусть пока посидит, она мне не мешает, – защитил он меня от бабушки (та хотела меня увести). – Итак, решили. Освобождаем от груза вторую машину, – и дедушка подвинул листочки к себе поближе. – Вот эти ящики под номерами...

И тут я увидела в окно, как к дому подъехала небольшая зелёная машина, которая сегодня утром забирала дедушку и водителей.

– Не волнуйтесь, – предупредил он тревожные взгляды. – Эти ребята приехали нам помочь. Времени у нас слишком мало. И ещё дров нам должны подвезти.

И все заторопились на улицу.

Ближе к вечеру пришла бабушка Агриппина и принесла простокваши. Мы все были ей очень рады.

– Вот, Петровна, для деток, – сказала она бабушке.

Мы с Павликом поели вкусной простокваши и опять отправились на тёплую ещё печку. Угревшись, Павлик сразу уснул, а за ним и я.

Проснулась оттого, что стала открываться и закрываться дверь. На столе горела керосиновая трёхлинейная лампа, которую бабушка возила с собой в ведре, укутав старым полотенцем, чтобы не разбилась.

– Ну что, все собрались? – спросил дедушка, подкручивая фитиль в керосиновой лампе, отчего в кухне сразу стало светлее. – Давайте прощаться.

И тут Григорий Авдеевич стал пожимать всем руки, приговаривая:

– Ну, всего вам... Не поминайте лихом... Прощевайте... Может, свидимся...

Бабушка обняла его и дала с собой свёрточек, сказав:

– Перекусите там, может, где, Григорий Авдеевич.

А дедушка достал сложенную в несколько раз бумажку и положил ему в нагрудный карман со словами:

– А это перечитаешь на досуге.

И тот ушёл.

– Ну, теперь есть и спать, – устало сказал дедушка.

Но когда все разошлись отдыхать, они с бабушкой, прикрутив фитиль в лампе, встали по обе стороны окна и, повернувшись друг к другу, стали негромко разговаривать.

Я ещё в Орле заметила, что в конце дня они любили поговорить, и почему-то всегда стоя у окна.

Сейчас дедушка спросил:

– Ну что, мать, трудный денёк выдался сегодня?

Бабушка промолчала и вдруг сама задала вопрос:

– А как же вам Тимофей Филиппович помог?

– Да он у нас такой человек, через любые двери пройдёт.

– Отец, мне показалось, или на улице командовал солдатами тот самый офицер, который вас утром арестовывал? – продолжала допрашивать его бабушка.

– Он это, он, – согласился дедушка. – Неплохой парень оказался, – и, не дожидаясь, пока бабушка станет возмущаться, рассказал, что там, в комендатуре, получили письмо без подписи, а в письме подробно было изложено, что в то время как весь наш народ, наша армия сражается с фашистом, едет тут буржуй на трёх машинах, спасает свою семью и своё барахлишко.

– Ну и дальше там всякие измышления... Вот и воспытал офицер праведным гневом.

– Да кто же мог написать такое? – возмутилась бабушка.

– Никогда не догадаешься, – вздохнул дед. – Я сегодня и отдал ему его пачкотню. Пусть подумает.

– Господи, воля твоя! – ахнула бабушка. – Неужели Григорий Авдеевич?

– Он же всё время меня просил сделать ему бронь. Хотел к семье на Урал уехать. А я ведь ему говорил, что нет у меня такой возможности, да и власти такой тоже нет. Видно, не поверил...

– Бог ему судья, – тихо сказала бабушка. – А лет-то ему сколько?

Дедушка вздохнул.

– Призывные у него пока лета – вот и всё.

Он обнял бабушку за плечи, и они ушли отдыхать.

Дорога на Задонск. Вторые сутки

Утром нас разбудили ещё затемно. Павлик расплакался и никак не переставал капризничать. Тётя Капа сказала, что у него горячий лоб.

Погрузились мы быстро. Теперь первую машину будет вести Митя, а в кабине рядом с ним поедет дедушка. Нашу машину, как всегда, поведёт Фёдор Иванович, а рядом с ним будет сидеть Тимофей Филиппович, который, как я теперь узнала, может быть не только кочегаром.

В нашем кузове стало совсем тесно, ведь с нами поселилась и Варвара Игоревна. Сидели, прижавшись друг к другу. Как только машины поехали, Павлик замолчал – наверное, уснул.

Холодно, ветрено, ночью выпал снег. Всё вокруг стало ослепительно белым, и только после наших машин на дороге оставались следы – они тянулись за нами двумя чёрными полосами.

Иногда слышалось глухое грозное отдалённое уханье. Утром говорили, что где-то совсем близко идут бои.

Бабушка и Варвара Игоревна волновались, что взрывы стали гораздо слышнее. У всех было такое чувство, будто мы не удаляемся от фронта, а приближаемся к нему.

На очередной остановке, которая называлась технической, мы вылезали из своих норок, чтобы размять ноги. Водители заправляли машины дровами, а потом вместе с дедушкой озабоченно что-то искали на карте.

Дедушка говорил:

– Немцы рвутся к Москве. С каждым часом всё может поменяться. Непонятно только, почему здесь, на этой дороге, совсем нет никакого движения.

А дорога дальше пошла неровная – вверх-вниз. Заметно потеплело, пригревало утреннее солнце, оно растопило снег на дороге. Стало грязно и скользко.

Машины снова остановились – чтобы надеть цепи на колёса. Работали торопливо, подгоняя друг друга. Совсем недалеко за холмами слышались взрывы, и был виден дым.

С цепями машины пошли быстрее. И тут перед нами вырос огромный холм, на котором густо росли берёзы. Надо было выбрать, какой дорогой ехать: одна шла понизу, вокруг холма, а другая извилисто взбиралась на холм.

– Внизу мы увязнем, – говорил водителям дедушка. – Поверху дорога должна быть посуше.

– Надо посмотреть, – предложил Митя.

Он побежал вверх по дороге и скоро скрылся в березняке. Когда он вернулся, я услышала:

– Да там сухо, ещё снег не растаял!

И мы поехали верхней дорогой.

Машины шли вверх, покачиваясь и переваливаясь с боку на бок. Дорога оказалась узкой, и кое-где берёзовые ветви хлестали по кабине и по брезенту, которым мы укрылись с головой.

Наконец выехали на поляну. Дорога пошла ровнее, но тут машины остановились. Впереди – пологая ложбина, в середине которой темнела подозрительно большая лужа, похоже – глубокая. Мужчины померили палками глубину – оказалось и в самом деле глубоко, взяли топоры и пошли рубить молодые берёзки.

Работали быстро, спешили, но мне показалось, что время разделилось: для нас, кто был в кузове, оно словно топталось на месте, а для всех, кто бегал вокруг машин, оно летело, катилось кубарем, но всем было страшно оттого, что мы безнадежно застряли.

Наконец, забросав ветками лужу, решили: можно проехать.

Я нырнула под брезент, чтобы не видеть, как машина будет тонуть в этой луже. Павлик, который держался за меня обеими руками, нырнул следом за мной.

Ура – одна машина уже на той стороне. Теперь наша очередь.

Но что-то произошло за то время, пока мы сидели под брезентом. Первая машина, переехав лужу, задними колёсами выбила яму ещё глубже, и надо было снова забрасывать её ветками. Это я поняла из обрывистых слов, которыми обменивались взрослые.

А снизу, откуда мы только что уехали, послышался громкий треск и одиночные выстрелы.

Женщины, сбросив обувь, прямо в чулках спрыгнули с борта нашего грузовика и стали бегать вокруг, собирая сухие сучья, камни, носили срубленные мужчинами деревца, и всё это кидали в чёрную воду.

Наконец дедушка скомандовал:

– Поехали! Быстро!

Мотор нашей машины заработал. Только задние колёса почему-то стали крутиться на одном месте. Мы с Павликом стояли в кузове и сверху смотрели, как все, кроме Фёдора Ивановича, который был за рулём, пытались столкнуть её с места.

И вдруг из-за берёз на поляну выбежали наши солдаты. Дедушка, раскинув руки, что-то кричал им, но они пробежали мимо и скрылись за деревьями на другой стороне поляны.

Я подумала, что сейчас за ними из-за этих берёз покажутся фашисты. Скорее всего, они будут похожи на тех чудовищ, которые однажды в моём страшном сне лезли из темноты в форточку нашего дома в Бежице.

От ужаса мир вокруг меня вдруг изменился, замер, исчезли звуки, и я увидела, как появившаяся из-за берёз большая группа солдат во главе с командиром вдруг побежала через поляну как-то медленно, плавно, высоко поднимая ноги.

Очнулась я, когда они, облепив кузов грузовика со всех сторон, столкнули машину с места, и она, благополучно переехав через лужу, остановилась на противоположной стороне.

И тут мир обрушил на меня всё разнообразие шумов, криков, движения. Бабушка и тётя Капа забирались в кузов, чулки порваны, ноги в крови.

Мне показалось, что лишь дедушка, опустив плечи, остался стоять неподвижно. Он смотрел вслед убегающим солдатам. Только когда командир обернулся и, что-то крикнув ему, махнул рукой, он словно очнулся и заторопился к машинам.

Мы поехали не очень быстро, хоть теперь дорога шла под уклон, но она была узкой и извилистой. Как только выехали на большую дорогу, навстречу стали попадаться военные машины. Нас останавливали, проверяли документы, и мы вновь ехали.

Пошёл снег, начиналась метель. Машины свернули к какой-то деревне. Все окна в домах были тёмными, на улице ни души.

У крайних домов остановились. Митя не раз выскакивал из машины и стучался во все двери, но никто не открывал. А в одном доме двери были не заперты. Дом оказался нежилым.

– Вот и ладно, – сказала бабушка. – Всё же не на улице.

Машины поставили за дом, чтобы не были на виду, и стали искать дрова для растопки русской печи, которая стояла на кухне чистенькая и побелённая, словно ждала нас.

– Хорошо, что печка маленькая. Быстро нагреется, горяченького поедим, – говорила бабушка, подкладывая в печь всё, что только могло гореть.

И тут я увидела в печи два охваченных огнём кубика – остатки от моей скамеечки для кукол.

Посмотрев на меня, бабушка Дуня сказала:

– Ну вот, пригодилось.

Я только вздохнула.

Лавок в доме не было, перегородки сломаны, в одной комнате разбито окно. Зато в кухне был длинный стол, который накрыли походной клеёнкой, и женщины сразу же стали выкладывать на него продукты к ужину.

Мы с Павликом толкались у печки. Приятно было смотреть, как пляшет огонь, потрескивают дрова, где нагревается наш большой чугунок с картошкой и кастрюля с водой для чая.

Как только картошка сварилась, нас покормили первыми. За столом остались взрослые, все ели стоя. После того, как разбитое стекло в комнате чем-то закрыли, стало теплее, и можно было снять пальто.

Сытый Павлик с кусочком хлеба в руке уже носился по комнатам – и вдруг притих. Бабушка посмотрела, чем он занят, и охнула.

Все обернулись и увидели, как он старается отломить корочку хлеба для маленькой мышки, которая стоит перед ним на задних лапках.

– Она же укусит его! – заволновалась тётя Капа, и все стали искать, чем бы запустить в эту мышь, чтобы прогнать ее – или прихлопнуть, как предложила бабушка.

– Да пусть покормит, – вдруг сказал дед. – Мыши–то тоже наши, страдают от голода, как и люди. Война для всех война.

Мышка аккуратно стала есть хлеб из руки Павлика, но вдруг, испугавшись чего-то, юркнула под печку.

Тётя Капа схватила Павлика, который отчаянно сопротивлялся, и попыталась унести его, но он так орал, что нам всё же разрешили отломить по маленькому кусочку хлеба и положить на пол для мышки.

Через некоторое время мышка снова вышла. Теперь она не ела, а уносила кусочки к себе под печку. Павлик сидел рядом на корточках и внимательно смотрел, как она прибегала за каждой корочкой.

Спать нас уложили на печь. Места было так мало, что я не могла вытянуть ноги, но зато было тепло, даже жарко.

Все разошлись по комнатам и как-то устроились на ночь. Я ждала, что бабушка и дедушка подойдут к кухонному окну, чтобы поговорить перед сном, но они сразу ушли спать. Ещё немного послушав, как в трубе завывает ветер, и, посмотрев в тёмное окно, где ничего нельзя было различить, я быстро уснула.

Проснулась от каких-то непонятных звуков. За окном заметно посветлело, метель утихла. И тут в сумраке кухни я увидела бабушку и дедушку, замерших по обе стороны окна. Бабушка встревоженно смотрела на меня, прижимая палец к губам. Вдали снова затарахтело, и звук стал приближаться.

Возле нашего дома, прямо напротив окна, остановилась какая-то странная небольшая машина. Два человека слезли с неё и громко, отрывисто о чём-то заговорили – только слов я разобрать не могла. Потом они закурили, прошлись вдоль дома, долго топтались где-то на углу. Слышно было, как под их ногами скрипит снег. Вот они вернулись, остановились совсем близко от окна – один из них, размахивая руками, что-то доказывал другому. Говорили громко,

но как-то отрывисто и совсем непонятно о чём. Потом выбросили в снег окурки, сели верхом на тархтящую машину и уехали.

От страха я всё это время старалась не дышать.

Бабушка несколько раз перекрестилась и опустилась на пол.

Вошёл проснувшийся Тимофей Филиппович, спросил шёпотом:

– Что это было?

– Скорее всего, фашистские разведчики на мотоциклах, – так же шёпотом ответил ему дедушка. – Хорошо, что мы машины за дом отогнали.

Все давно проснулись, но лежали тихо, и только теперь стали собираться возле стола.

Долго совещались, говорили, что надо бы послать кого-то разведать – не захватили ли фашисты деревню?

Ушли Митя и Фёдор Иванович.

А я всё думала: у кого бы узнать: неужели фашисты – это просто люди? И тут услышала из разговоров, что это ещё и немцы...

В голове у меня всё перемешалось, но спросить было не у кого.

Все взрослые в комнате были взволнованы, тихо переговаривались и постоянно поглядывали в окно в ожидании наших.

Только Павлик рядом со мной спокойно и тихо посапывал.

Ждали посланных на разведку довольно долго. А может быть, это утро было такое, когда время вдруг начало тянуться и тянуться. Бабушка говорила, что такое бывает.

Но когда вернулись Митя и Фёдор Иванович, всё пришло в движение. Стали быстро собираться, водители побежали заводить машины.

– Прежде всего, – сказал дедушка, – подкрепитесь тем, что есть. И обязательно попейте воды.

Нас с Павликом тоже подкрепили хлебом с яблочным повидлом и водой.

Вскоре наши машины уже ехали вдоль деревни, которая утром показалась мне очень маленькой. Я даже дома успела посчитать до того, как мы повернули на другую дорогу.

Тут машины пошли быстрее. Но я заметила, что и бабушка, и Варвара Игоревна всё время смотрели по сторонам. Да я и сама крутила головой, боялась, что нас догонят фашисты.

Когда машины остановились, встретив наш военный патруль, все были так рады, что бросились обнимать военных. А дедушка рассказал им про мотоциклистов.

Мы с Павликом стояли у борта, повязанные крест-накрест тёплыми платками. И один из военных, подойдя к нам поближе, сказал:

– Какие у вас тут симпатичные девчухи!

И только когда машины вновь поехали, Павлик вдруг повернулся и крикнул в сторону убегающей дороги:

– Я мальчик!

И тут мы все стали смеяться. А Павлик ещё немного посидел надутый, но не выдержал и стал смеяться вместе с нами.

Дорога на Задонск. Третьи сутки

Погода снова ухудшилась. Ветер рвал брезент, которым мы были укрыты. Стало холоднее, очень хотелось есть.

На очередной технической остановке дедушка сказал:

– Надо ехать как можно скорее. Осталось совсем немного. Потерпите.

Но тут началась метель. Снег летел так густо, что за машинами, которые теперь еле шли, мы видели сплошную белую пелену.

Машины остановились. Стали ждать, чтобы метель хоть немного утихла. Когда просветлело, оказалось, что совсем недалеко от нас были дома. Подъехали поближе, откинули задний борт, и нас, замёрзших и голодных, снял дедушка.

– Будем искать ночлег, – сказал он.

Варвара Игоревна пошла в один дом, а мы с бабушкой – в другой. Идти было недалеко, но мы шли по дорожке, еле передвигая замёрзшие ноги. Постучали, услышали:

– Кто там? Входите.

Мы с бабушкой зашли и стали у порога. Здесь было тепло и вкусно пахло домом. Никто нам не предложил пройти и раздеться, и мы остались стоять у двери. Совсем недалеко от нас, на выступе русской печки, горела керосиновая лампа, которая после уличных сумерек слепила глаза. Главное, что я увидела, это слева от нас, на лавке, большой бочонок воды, под деревянной крышкой, с кружкой наверху. Сразу захотелось пить.

Хозяйка хлопотала у печи. И тут откуда-то из дальнего угла раздался хриловатый мужской голос:

– Кто такие? Откудова?

Бабушка не сразу смогла ответить – замёрзшие губы не слушались её.

– Едем из Орла в Задонск, – наконец проговорила она.

– Бегите, значит. От немца бегите, благодетеля своего, – продолжал почему-то издевательски говорить сердитый голос.

Глаза мои привыкли к свету, и я увидела у дальней стены длинный стол, над которым висела еще одна керосиновая лампа. За столом, на самом углу, сидел дед с тёмной бородой.

Бабушка не ответила ему и, наклонившись ко мне, шепнула:

– Вот погреемся ещё чуть-чуть и уйдём.

Хозяйка в это время поставила на стол большой чугунок с картошкой, а рядом миску с чем-то очень знакомо и вкусно пахнущим. А дед тем же голосом позвал:

– Долго ждать ли вас!

Из-за дверных занавесок выскочило трое взрослых ребят, а чуть попозже девочка гораздо больше меня. Они чинно уселись за стол, не обращая на нас никакого внимания.

А хозяйка из другого чугунка, что стоял на загнетке, стала быстро наливать большим черпаком суп в миски. Все стали шумно есть, стуча ложками по железным мискам. Мы с бабушкой у двери уже согрелись, и можно было уходить, но тут дед зачерпнул ложкой из чугунка большую картофелину, сказав:

– Лови, тётка, – и бросил её нам к двери.

Бабушка не успела её поймать, и картофелина шлёпнулась на пол. Я стала подбирать с пола рассыпавшуюся картошку и складывать кусочки бабушке в ладонь.

В сенях за дверью было слышно, как кто-то шумно отряхивается и топает ногами. Дверь открылась, и вошёл дедушка. Он прошёл мимо нас, молча разделся, положил на лавку у окна верхнюю одежду, одёрнул френч и пригладил пышные сталинские усы.

Высокий и крупный, он сразу занял много места в кухне. За столом наступила тишина.

– Для кого война, а для кого мать родна, – грустно сказал дедушка, почему-то глядя в угол, где темнели иконы, обрамленные белым расшитым полотенцем. И вдруг грозно: – Неплохо живём! Может, ещё и фашиста ждём?

Дед с тёмной бородой шикнул на ребят, те сразу же встали и скрылись за дверной занавеской.

– Под иконами сидишь, – продолжал дедушка, – а замёрзших, голодных людей у дверей держишь...

Дед с бородой испуганно что-то забормотал.

Бабушка стала меня раздевать, но я совсем разомлела от тепла. Теперь мне хотелось только спать. Я еще помню, как хозяйка со слезами на глазах поила меня вкусным бульоном, и как дед с тёмной бородой что-то говорил дедушке, а потом стал просить:

– Не погуби, детей ведь у нас четверо, не в разуме ещё, Христом Богом прошу...

И сон сморил меня.

Утром я никак не могла проснуться. Будили и тётя Капа, и бабушка. Щупали мой лоб – не заболела ли. Я всё слышала, но сонные глаза не хотели открываться. Наконец меня одели и усадили за стол. Павлик уже поел, и с ним играла девочка, которую звали Лиза.

Как только передо мной поставили миску с картошкой с кусочками мяса, во мне проснулся такой голод, что вместе с ним быстро проснулась и я.

– Вот так-то лучше, – говорила хозяйка, наливая мне полную кружку молока. Но молоко было непривычным на вкус.

– Потому что козье, – сказала мне бабушка. – Оно очень полезное. Пей.

Вчерашний грозный дед с расчёсанной на обе стороны бородой, рассказывая что-то дедушке, часто хватал его за руку, в которой тот держал кружку с чаем. И вдруг мой дедушка, поставив кружку на стол, сам схватил деда за руку.

– Так это что же, Григорий Петрович, мы в одно время завод в Ижевске строили? Мать, ты слышала? Он в двадцать четвертом был в Ижевске! Да и виделись там наверняка. Молодые ведь были, без бород, без усов.

– Да у тебя-то вроде усы уже были, – сказал дед, которого дедушка называл Григорием Петровичем. – Ты в начальстве ходил, на виду. А я на стройке, по плотницкому делу больше работал.

– Ну это ты шутишь, – засмеялся дедушка. – Двадцать лет прошло!

– Может, и шучу. Но вроде забрезжило что-то в памяти, – лукаво отозвался, поглаживая бороду, Григорий Петрович.

Пришли наши водители и Варвара Игоревна с Тимофеем Филипповичем. Они ночевали где-то в других домах.

– Пора, – сказал дедушка, и мы стали одеваться. – Спасибо, хозяйка, за приют. А вам, Валентина, особая благодарность, – и он поклонился хозяйке. Потом повернулся к деду, пожал ему руку, и как-то виновато сказал:

– Ты уж извини меня, Григорий Петрович, за вчерашнее.

– Да, напугал ты нас, – ухмыльнулся тот в свою чёрную бороду. – Уж очень ты на Сталина Иосифа Виссарионовича похож – фигура и усы, да и френч вот носишь. – И, одеваясь, добавил: – Так ты имей в виду, Павел Сазонович, если производство наладишь – сообщи. Может, поработаем ещё с тобой.

И он пошёл провожать нас.

– Ехать-то вам до Задонска вёрст двадцать, двадцать пять, не больше, – говорил он дедушке, а потом долго стоял на дороге, глядя вслед удаляющимся машинам.

– Утро-то какое, ни ветра, ни снега – радовалась тётя Капа, – и мороз небольшой.

– Что нас ждёт в этом Задонске, – вздыхала бабушка Дуня.

– Да лишь бы закончилась эта бесконечная дорога, – похоже, у тёти Капы было хорошее настроение.

Задонск

Безоблачное утро создавало вокруг удивительное ощущение радости, и надежды, что наши странствия подойдут к концу.

Под солнечными лучами снег блестел так, что невозможно было смотреть по сторонам – слепило глаза. Движение здесь, на дороге, было оживлённым.

Только наши перегруженные машины не могли ехать быстро. Останавливались всего один раз, чтобы подкормить их прожорливые печки.

Наконец по обеим сторонам дороги стали попадаться дома, которые сначала неторопливо плыли нам навстречу, а потом так же неторопливо удалялись от нас. А навстречу спешили всё новые и новые дома...

– Вот и Задонск, – сказала тётя Капа. – Кажется, приехали.

Машины действительно остановились. Дедушка у двух военных стал спрашивать, как нам дальше проехать по нужному адресу. Ему объяснили, и мы опять поехали, свернув на другую улицу, которая была гораздо уже, и машины здесь тихо и неторопливо пробирались вдоль домов, пока не повернули ещё раз, на большую улицу...

И тут вдруг в небе послышался гул. Он всё нарастал. По небу летело так много самолётов, что мне показалось, будто это огромная стая жужжащих птиц заслонила солнце. Самолёты летели высоко, но я не могла отвести от них глаз, и потому не сразу поняла, что машины давно стоят, задний борт откинут, все суетятся, у всех испуганные лица...

Дедушка протянул ко мне руки, чтобы снять с грузовика, и вдруг откуда-то из-за домов выскочили два самолёта. Они летели гораздо ниже, прямо над нами. Я от страха пригнула голову, но, как и все, стала смотреть им вслед. И тут дедушка закричал:

– Они разворачиваются! Всем быстро под машины!

Бабушка схватила меня за руку и, наклонившись, мы с нею поползли к заднему колесу. Всё, что я помню дальше, это жуткий вой и удар. Земля сильно вздрогнула, потом ещё и ещё раз. Может быть, я это ощущала, но уже ничего не слышала.

Не помню, как оказалась у Мити на руках. Потом увидела Павлика, красного от крика, с широко раскрытым ртом. Он стоял у калитки рядом с тётёй Капой, которая лежала на дорожке, ведущей к какому-то дому. Видела, как дедушка с водителем поднимали её. Вокруг что-то говорили, но я почему-то ничего не слышала...

Проснулась на кровати. Белая подушка, простынка. Я сладко потянулась и снова закрыла глаза. И вдруг услышала Митин голос:

– Так я не понял, ты проснулась или ещё решила продолжить?

Я села на кровати, огляделась – небольшая комната, у двери на стуле сидит Митя, у противоположной стены ещё одна кровать, тумбочка рядом и одно окно с голубыми занавесками. Солнечные зайчики пляшут на светло-серой стене.

– Тут бабушка спала, – пояснил Митя, – сейчас она с Павликом в коридоре. Он всё рвётся к тебе, но мы решили дать тебе ещё поспать.

– Доброе утро. Митя, расскажи мне всё, – попросила я.

– Я тебя понял, – и Митя хлопнул себя по коленкам. – Рассказываю: сначала хорошие новости. Мы в госпитале. Все живы-здоровы, хоть и получили лёгкую контузию. Машины доставили по назначению. Павел Сазоныч сдаёт груз, отчитывается.

– А какие плохие новости?

– Капитолине Павловне придётся еще немного здесь полежать. У неё контузия посерьёзнее. И ещё, Аля, сейчас не утро, а вечер. Ты почти сутки спала. Ну, я пошёл за бабушкой. Одевайся пока. Поужинать бы не мешало.

И Митя ушёл.

Через минуту Павлик ворвался в комнату, как ураган. Я и сама была очень рада видеть брата. Обняла его и стала целовать в мокрые щечки, заглядывая в припухшие от слёз глаза.

– Аля, ты – моя? – то ли спрашивал, то ли утверждал Павлик.

– Твоя, твоя, – говорила бабушка, – чья же она ещё.

Но тут пришёл дядя в белом халате, и бабушке пришлось увести упирившегося Павлика. Это был доктор – такой серьёзный, что даже немного грустный. Он долго меня всю рассматривал, особенно глаза и уши. Потом стучал по коленкам, заставлял приседать и подпрыгивать.

Я всё выполняла, даже то, что мне казалось смешным. Но доктор ни разу не улыбнулся, а всё записывал в свой блокнот. Кончив писать, он посмотрел на меня и спросил:

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты хорошая девочка?

Я повспоминала. Всё как-то получалось наоборот – и я ему честно сказала, что нет.

– А почему? – удивился он.

– Наверное, потому, что у меня бывают непослушания, – призналась я.

– Ну это ты зря. Я считаю тебя хорошей девочкой, и поэтому назначаю тебе очень полезные пилюли. Придётся их попить, чтобы голова не болела. Хорошо?

Я кивнула.

– Ну, еще увидимся, – сказал он. Потом подумал и добавил: – А непослушания встречаются даже у взрослых. Это я тебе как врач говорю.

И ушёл.

Ужинали неподалёку, в маленькой столовой – бабушка, Митя, Павлик и я. Так непривычно было без Варвары Игоревны и Тимофея Филипповича. Они уже уехали к своим родственникам, которые жили недалеко от Задонска. Фёдор Иванович, наш водитель, остался с машиной при воинской части, а тётё Капе ещё не разрешили встать.

Когда пришёл дедушка, он стал подробно рассказывать, в каком хорошем доме нас теперь поселят.

– Вы пока остаётесь в госпитале, – потом объяснил он, – но только до утра. Утром мы с Митей за вами приедем.

Ура-а!! Нас с Павликом быстро одели, и мы вышли во двор госпиталя проводить дедушку и Митю, да и погулять немного. Митя нам рассказал, что госпиталь состоит из трёх домов, в одном из которых мы находимся. Тётя Капа лежит в другом доме, но нас с Павликом туда не пустят.

Над городом сгушались сумерки. Митя и дедушка ушли. Бабушка стала торопить меня – пора было возвращаться в палату, а меня в незнакомом городе, в чужом тёмном дворе вдруг охватила такая грусть по дому, что нечем стало дышать. Слезы потоками потекли по щекам.

Бабушка, конечно, всё поняла и, утешая меня, говорила, что в нашей жизни всё ещё образуется, фашиста скоро прогонят, и мы вернёмся домой. И все солдаты вернуться с войны. Вот таким же вечером мы соберёмся в нашем доме на зелёном крыльчке: Капа будет играть на гитаре, Миша на мандолине, Серёжа на балалайке, а ты нам будешь петь. И друзья, и соседи придут послушать ваш концерт.

– Когда это ещё будет, – всхлипывая, говорила я.

– Наверное, придётся подождать. Ведь мы с тобой умеем ждать? – и она увела меня с тёмного двора.

Утром пришёл доктор, похвалил меня и Павлика за то, что мы хорошо спали и хорошо выглядим. Потом долго рассказывал бабушке что-то по тётю Капу.

– Так что всё неплохо, но ей денька два – три надо будет у нас полежать, – сказал он и, прощаясь, погладил меня по лысой голове, а Павлика потрепал по пухлым щечкам.

Назавтра дедушка приехал за нами только к обеду и без Мити. Он был чем-то расстроен, и всё сморкался в свой большой носовой платок.

Мы погрузились в маленькую машину на заднее сиденье, и поехали на «новое место жительства», как определила его бабушка. Ехали недолго, и скоро машина остановилась у серой, некрашеной калитки.

Во дворе дома, где нам теперь предстояло жить, было немного снега, и мы с Павликом остались там поиграть, пока бабушка осмотрится в новом жильё.

Сразу за домом мы обнаружили большой сарай, закрытый на огромный висячий замок. За сараем высился дощатый забор.

Заняться пока было нечем – только бегать вокруг дома и двух бочек с водой, которые оказались у нас на пути.

Мы ещё и набегаться не успели, как вернулся дедушка. Он уходил в магазин за продуктами и теперь нёс в жёлтой сетке хлеб, молоко в бутылке и две банки консервов.

– Пойдёмте-ка, ребятки, посмотрим, как там дела у бабушки, не нужна ли ей наша помощь.

Сначала мы вошли в полутёмный коридорчик, а потом дедушка открыл дверь в кухню, где уже топилась плита. Бабушка по-домашнему хлопотала у стола, и всё было бы хорошо, если бы не пронзительный незнакомый запах.

– Бабушка, чем здесь пахнет? – спросила я.

– Не обращай внимания. Вот немного обживёмся – и чужой запах исчезнет.

Она знала, как много значат для меня запахи, иногда даже спрашивала:

– Аля, а это что за запах? На что похож?

А для меня они были такие разные: то тёплые, то холодные, горькие или сладкие, лёгкие или тяжёлые, разноцветные – или невыносимые.

Она всегда смеялась:

– Ну и выдумщица ты.

Сейчас незнакомый неприятный запах был лёгким, въедливым и даже каким-то липким, коричневатого цвета, похожего на тени в углах и ещё нежилым, как будто здесь долго не топили печь и не готовили еду.

Но тут я увидела, что кухонный стол у окна был накрыт нашей походной клеёнкой. Это меня сразу отвлекло. Особенно мне понравились широкие, устойчивые лавки вокруг стола.

Когда мы разделись, Павлик сразу стал обживать незнакомый дом – с воплями носиться по комнатам и заглядывать во все уголки. Кроме кухни, здесь был ещё коридорчик и две маленькие холодные комнаты, в которых стояли широкие железные кровати с одними полосатыми матрасами, без белья.

И я поняла, что лучшего места, чем у окна на кухне, для меня просто нет. Комнаты мне совсем не понравились, да и незнакомый запах там был сильнее.

– Вот Павлик побегает, хоть немного тепла из кухни разнесёт по комнатам, – довольно улыбнулась бабушка.

Первый обед на новом месте показался мне очень вкусным.

Тут же, за столом, стали решать, кто где будет спать. Павлик выбрал комнату с кроватью, что стояла в углу, подальше от окна.

– Я заметила, – сказала бабушка, – что он после этой бомбёжки стал очень пугливым. На любой звук оглядывается, ищет, куда бы спрятаться.

– Что тут поделаешь, – ответил ей дед, – мы взрослые, и то прийти в себя не можем. А я вот не могу добиться от Капы, куда она побежала во время бомбёжки? Я всем кричал – прятаться под машинами, она же выбежала на открытое место и там упала, накрыв собою Павлика.

– Да куда побежала – подальше от машин, я думаю.

И тут я спросила:

– Мы что теперь, все контужены?

– Все, – ответил дедушка, – Особенно я, как самый большой и дважды контуженный. Вот посмотри, как у меня руки дрожат.

Он протянул над столом ладони. Пальцы рук и правда дрожали.

– А я надолго оглохла, – пожаловалась я дедушке. – И кажется, не совсем ещё отглохла. Вчера вечером у меня болела голова, и в правом ухе сильно шумело, а потом стало тихо.

– Таблеточки свои пей, что прописал доктор, – сказал дедушка, – и всё пройдёт. Если что – сходим в госпиталь, покажемся доктору.

И тут бабушка попросила:

– Поговори-ка с ней, отец, насчёт запахов. Мало того, что они её здесь преследуют, да еще и какого-то коричневого цвета.

– Но это легко объясняется, – улыбнулся дедушка. – Какого цвета стены, такого и тени в углах. А значит, и цветные запахи могли там же притаиться.

Стены и в самом деле были в желто-коричневых обоях с редкими темно-зелёными листочками.

– Аля, где спать будешь? – теперь уже у меня спросила бабушка.

– Я бы вот на этих лавках поспала, на кухне, – как можно более просительно отвечала я. – Только поближе к стенке, у плиты.

– Вот это ты придумала, – удивился дедушка, задумчиво подкручивая свои пышные усы. – Местечко это я уже для себя присмотрел. Но так и быть, уступлю его тебе.

Бабушка только руками всплеснула, и недовольно ушла в комнаты стелить постели.

Ближе к вечеру мы все вместе пошли гулять по улочкам Задонска. А когда возвращались, то еле нашли дорогу домой. Дедушка, конечно, знал, как пройти, но хотел, чтобы и мы тоже смогли отыскать наш дом и улицу. Особенно бабушка.

Наступили сумерки. Бабушка зажгла керосиновую лампу. Мы поужинали, и тут, тяжело вздохнув, дедушка сказал:

– Вот и закончился третий день нашего пребывания в Задонске. А ведь мы совсем недавно уехали из Орла.

Укладываясь спать, Павлик немного поплакал – скучал по маме. Уснул только со мной, в кухне, на лавках. Бабушка потом перенесла его на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.